

ЭЛИНА МАХМУДОВА

Пипл-фри

Просто встану, пока темно,
Просто выброшу телефон.
Кто-то скажет: «Социопат!»,
Ну, а я промолчу, кто – он.

Просто улицы и дома,
Просто листья и фонари...
Что ж, пусть будет моя вина,
Что я счастлива пипл-фри.

Очень все не так

*Нет, ребята, все не так,
Все не так, ребята.*

В.Высоцкий

Слишком много города,
Пластика и лакшери,
Урбана и скорости,
Чуши в головах.

Слишком много гордости,
Прибыли и фальши,
Реклама – вместо совести,
Стразы на сердцах.

Дешевеют ценности,
Дорожают ценники...
Все не так, короче,
Очень все не так.

А если?..

А если надеть красное
И всем показать кукиш?!
Кто там за спиной шамкает,
Сплетнями изойдя?

А если взмахнуть крыльями
И взмыть – ото всех подальше,
И там жить в своем бунгало
Из облачной тишины?..

Фастер

Век фаст-фуда,
Век фаст-жизни,
Не успеешь,
Коль – не «фаст».

Роды – офис,
Бургер – внуки...
Фастер, фастер! –
Жизнь не ждет.

Фаст-любви,
Фаст-открытья,
Фаст-поэмы,
Люди-фаст...

К черту скорость!
Остановка.
Тишина...
Бог.

Простая игра

Все всегда только к лучшему,
да вот пути извилисты,
на старте непредсказуемо,
ты в ад или все же в рай.

Но Богу так интереснее
играть в оловянных солдатиков:
пусть хоть немного интриги –
ведь слишком проста игра.

Теория относительности

*Все очень относительно,
И все – неутешительно...*

Нет в жизни победителей,
Кумиров и властителей –
Всех ожидает сумрачный,
Единственный финал.

Но нет и побежденных в ней,
Живой, а значит – избранный,
Ведь жизнь – как кубок золота –
Награда не для всех.

Так не грусти, а радуйся,
Держи покрепче кубок свой,
Пей из него шампанское
И будь здоров, Эйнштейн!

Глупые сценарии

**Сценарии, сценарии
Мы пишем на бегу.
Пиши, не останавливай
Событий череду.**

**Мы, авторы и клоуны
Сей глупой кутерьмы,
В одном лишь застрахованы –
Что здесь не вечны мы.**

Послушай тишину

**Послушай тишину.
Ее слова – целебны.
Ее слова не лгут
И лестью не пестрят.**

**Послушай тишину.
Святой ее молебен
Внимай не на бегу,
Без призм и без преград.**

**Взгляни в ее глаза
И отразись в безмолвьи,
Увидь все, что забыл,
Или хотел забыть,**

**Что забывать нельзя,
Хоть на минуту вспомни,
Пойми, куда идешь,
И нужно ли там быть.**

**Спроси у тишины,
Задай свои вопросы –
Зачем, доколь и где
Предельная черта.**

**Спроси и – уходи,
Босой и просветленный,
Хоть даже если ты
Не понял ни черта.**

ТАИРА ДЖАФАРОВА

ЗАГАДКА СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Наша семья дружила с семьей выдающегося скульптора Токая Мамедова. Прежде всего, с женской половиной семьи: с женой Токая Аидой Абдуллаевой, с ее сестрой Хаят, которую у нас дома называли Эличкой, с их мамой Суват-ханым, но и, конечно, с сыном Джахангиром или Джаником, как его называли близкие. О них есть, что рассказать. Суват-ханым была внучкой знаменитого генерал-лейтенанта Араблинского. Старшая из трех дочерей генерала, Нурджахан-ханым, стала женой сына Тагиева, младшая, Сона-ханым, стала женой самого Тагиева, а средняя, Хурият-ханым, женой князя Абдул Джамиля Уцмиева. Одной из пятерых дочерей Хурият и была Суват-ханым. Судьба у Суват-ханым сложилась непросто и могла бы стать сюжетом увлекательного романа, несмотря на всю ее трагичность. Она, как и мои тетушки, окончила заведение Святой Нины и в шестнадцать лет стала женой Гамдуллы Абдуллаева, крупного рыботорговца. Во времена АДР он возглавил «Азрыбу», а в советское время руководил управлением «Дагрыбтрест», работал над книгой о рыбной отрасли. Властям требовались специалисты. Двое их сыновей, Адыль и Амир, в 1926 году за государственный счет были направлены на учебу в Германию. Все складывалось, вроде бы, хорошо, но в стране начались репрессии, бессудные расправы. В 1930-м Абдуллаева расстреляли, сыновья остались за границей, связь с ними прервалась. Суват-ханым, благодаря поддержке Узеира Гаджибейли, работала в симфоническом оркестре, она была способной скрипачкой. Но в начале войны их, как семью расстрелянного врага народа, выслали в Северный Казахстан, в глухую степную деревеньку. Выбрались они оттуда с большим трудом.

Старшей дочери, Хаят, удалось поступить в эвакуированный из Ленинграда Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, находившийся в Самарканде.

Аида еще до войны по рекомендации Узеир-бека стала студенткой Московской консерватории, а теперь получила от него вызов для продолжения учебы в Бакинской консерватории.

Юсифа, как дипломированного нефтяника, пригласили в Коканд.

А их мать, не желая связывать детей, мешать их планам, тайком села в поезд, решив пробираться в Баку, но при первой же проверке с поезда ее ссадили. После всевозможных злоключений семья все же соединилась и попала в Баку. У них ничего не осталось, все имущество конфисковали, а главное – жить было негде. Но мир не без добрых людей, друзья приютили их, помогли. А Суват-ханум, благодаря помощи того же Узеир-бека, сумела устроиться заведующей библиотекой в Бакинскую консерваторию. Дети ее тоже оказались не только стойкими, но и талантливыми, и, несмотря на все трудности, нашли свое призвание, свой путь.

После окончания института Хаят стала известным скульптором, заслуженным деятелем искусств Азербайджана. У нее много интересных работ. Например, в Баку, на фронтоне здания Национальной библиотеки им. М.Ф. Ахундова, можно увидеть ее скульптуру Максима Горького, в Оперном театре – скульптуру Физули. В Шуше она

создала памятник Вагифу и поэтессе Натаван. В Азербайджанском музее искусств хранятся такие ее работы, как «Материнство», «Хаджар»...

В последние годы жизни, а она прожила 94 года, Хаят-ханым стала слепнуть и появлялась у нас в темных очках. Но всегда была веселой, жизнерадостной оптимисткой, очень доброй, и каждый раз подбадривала меня, заряжала энергией. Я ее любила и тоже называла Эличкой, несмотря на большую разницу в возрасте!

Аида-ханым Абдуллаева стала первой азербайджанской арфисткой, заслуженной артисткой Азербайджана, профессором, основателем местной школы арфы. Но у матери болело сердце о старших сыновьях, оставшихся в Германии. Она не знала, что во времена Гитлера они перебрались в Турцию, где учились и работали. А после войны вернулись в Германию, получили образование и добились достойного положения в обществе.

Во времена хрущевской оттепели, после того, как реабилитировали ее мужа, Суват-ханым стала разыскивать сыновей через Красный Крест, нашла их, поехала в Германию. Потом они приезжали в Баку, встречались с сестрами. Наш дядя Джафар, известный германист, всегда был переводчиком при этих встречах. Присутствовала и подруга Суват-ханым, наша тетя Тамара. Адыль и Амир привязались к дяде Джафару, а также к моим тетушкам, в особенности к старшей – Марьям-ханым, энергетике, заведующей лабораторией. Адыль был крупным энергетиком, доктором наук, директором Института электрических турбин в Брауншвайге, и это их очень объединяло. Братья прислали моему дяде Джафару приглашение посетить Германию. Но кэзэбисты не пустили старика за рубеж, посетить город своей молодости Берлин, где он учился в Коммерческом Институте. Братья также прислали приглашение тете Марьям, причем по служебной линии, чем, я помню, она очень гордилась. Но, увы, и ей не разрешили поехать.

Тетя Тамара после работы, а работала она до конца жизни в министерстве просвещения, частенько навещала Суват-ханым. Они обычно по вечерам вдохновенно играли в нарды, при этом наша тетя, по словам Джаника, джигалила (по-русски это значит – жульничать). Он часто слышал, как во время их игры его бабушка возмущалась: «Опять ты джигалишь? Джигалбас!» А Тамара-ханым, смеясь, отчаянно защищалась.

Большая дружба связывала с Суват-ханым и моего дядю Джафара, я помню, в конце 50-х и в 60-е годы он часто бывал у нее в консерваторской библиотеке, так как глубоко интересовался итальянской оперой. Это было главным его увлечением. В библиотеке его интересовали и партитуры опер, и литература о певцах. А Суват-ханым вместе с дочерьми появлялись и в нашем доме, приходили послушать пластинки дяди Джафара, и, как мне помнится, прослушивание своих оперных записей дядя устраивал и в консерватории.

Работая над книгой о своей семье, изучая документы в архиве, я обнаружила, что со стороны Суват-ханым мы являемся родственниками. Она родственница Зейналабдина Тагиева, и наша семья также. Семьи, по-видимому, близко общались еще до революции, в лучшие для наших родственников времена. Но, к сожалению, от детей в те непростые годы скрывались родственные связи. И когда я недавно встретила Джахангир-муаллима, он рассказал, что любил дядю Джафара и тетю Тамару и напомнил мне, что участвовал в похоронах их обоих. Это были наши общие потери.

Мама Джахангира, Аида-ханым прожила долгую, счастливую жизнь. Ее муж, Токай Мамедов, был не только выдающимся скульптором, но и ярким, благородным